

ВАРЛАМ МАТВЕЕВИЧ МИХЕЕВ

Варлам Матвеевич Михеев — в год записи (1928 г.) крестьянин, 69 л., д. Засулье Лешуконского района. Грамотный. Он знал только две былины, публикуемые здесь. Кроме них, слышал и в книжках видал другие былины (про сорок калик, про Соловья—разбойника — слышал, про Добрыню — видел в книжке), но «ни спеть, ни сказать» их не мог. Свои былины перенял от отца Матвея Артамоновича, крестьянина той же деревни, неграмотного, и пел их тоже на отцовский мотив. При людях, по собственному признанию, мало пел, а лишь для себя: «Как на кровати лежу — пою».

Былины Михеева не заключают ярких индивидуальных моментов; описательная часть их не так богата, как у лучших мезенских сказителей, но сюжетная линия отличается четкостью. Интересную развязку второй былины (см. примеч. к ней) следует считать сохранившимся отзвуком старой традиции, а не индивидуальной творческой переработкой.

Длительное исполнение Михееву надоедало, и он с середины былины уже пытался перейти на прозаический рассказ.

219

20

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН]

- По за-стольнѣму городу по за-Киеву,
По-за Киеву да по за триста вѣрст
Тут стоял-то шатѣр да бел-полотенной,
Эх во том-то во шатри да во полотенном
5 Были-жили двенадцеть богатырей.
Во пѣрвых-то был да тут стары́й казák,
Как стары́й да казák да Илья Муромецъ,
Во вторы́х тут был Добрынюшка Микитич млад,
Во трѣтйх был Олѣшенька Попович млад,
10 Были два брателка два Суздальця.
Поутру-ту стар да стал раным ранó,
Он раным-то стал да ранѣшенько,
Умывалсы он да ключевой водой,
Утиралсы он да бѣлым пóлотном,
15 Он молилсэ спасу превышнему,¹
Он и брал тут трубоцьку подзорною,
Выходил-то на улицу широкою,

¹ Стихи 8—10 и 15 при пении в фонограф были пропущены.

- Здрел-смотрел да во вси стороны.
 Он завидел со ту стороноцьку со западну,
 20 Из Волянъ де города из Гáлици
 Не темна та тупенька затупилась,
 А не синё облоко накатаетси,
 Как в копотú в тумани знаменуется —
 Не знать конь-то бежит, не знать молодéц идёт,
 25 Только знать побежка лошадиная,
 Как бы знать поездка боһатырская,
- Конь-то бежит — голову́ высокó несёт.
 Заходит-то стар во белóй шатёр,
 Говорит-то стар да таково́ словó:
 30 «Вы дружья́-братья́ да всё товарищи!
 Не пора де спать — пора вставать!»
 Не успел-то стар да рассказать весь,¹
 Проеждят-то Сокольник да мимо за́ставу,
 Мимо за́ставу да городóвую,
 35 Как бы их-то двенадцать боһатырей ничем считат.
 Говорит-то стар да таково́ словó:
 «Кого же послать да за Сокольником?
 Послать де Олёшеньку Поповиця —
 Он роду сольнúвого,
 40 Сольнúвого, неповорóтливового,
 Потерят он свою буйну голову.
 Послать два брáтелка два Суздальця —
 Ихнё дело не бывало же,
 О бою — драке да не видали же,
 45 Потерят свои они головы.
 Послать де Добрынюшку Микитыча —
 Как ёго-то дело бывало же,
 Он умет-то в поле с боһатырем съехаться,
 Он умет-то боһатырю честь воздать».
 50 Говорит-то Добрыня таково́ словó:
 «Вы дружья́-братья́ да всё товарищи,
 Вы седлайти-уздайти моёго коня!»
 Они седдали-уздали добра́ коня,
 Они клали двенадцеть подпружинок,
 55 А тринадцату клал через могучу степ,
 Не ради басы́, а ради крепости.

¹ Весть.

Одной-то Добрыня ногой да в стремяна ступил,
А другой-то ногой на коня скочил,
По цисту полю да курюва́ стоит.

60 Сустегал Сокольника.

Закричал-то Сокольник громким голосом,
Засвистал-то Сокольник по солóвьему,
У Добрыни па́дал конь со резвых то ноh.
— «Ах ты конь мой конь да товаришш мой,

65 Унеси-ко меня да от поганого,

От поганого да от Издолишша!»

А на то де Добрыня поворóт даёт,
Едет Добрыня ко белú шатру.

Встречают его дружья́-братья́ товарищи:

70 «Што же ты, Добрынюшка, не везёшь ведь ты,¹

Не везёшь ведь ты да буйну голову,
Буйну голову да на вострых копьях?
Хотя бы мы погáлились».

— «Едет де да не моя чета».

75 Сидит — то стар да во белóм шатри.

Возьерúлось ёго да ретивó сердцё,
Росходились ёго да могучú плечá:
«Вы седлайти-уздайти да моёго коня!»
Они седлали-уздали добра́ коня́,

80 Они клали двенадцеть подпружинок,

Тринадцату клал через могучу степь.
Одной-то стар-то в стремяна вступил,
А другой — то ногой на коня скочил,
По цисту поля́ да курюва́ стоит,

85 Он и тёмны-то лесы промеж ног берёт.

Сустегал Сокольника недалече он,
Недалече от Киева ровно за пять вёрст.
Закрычал Сокольник громким голосом,
Засвистал-то Сокольник по соловьёму,

90 У старá казака конь-то падал со резвых-то ног.

Бьёт-то стар да по крутым рёбра́м:
«Ах ты конь мой конь да травяной мешок!
Не слышал ты в поле вороньего карканья,
Не слышал ты вороньего курканья?»

95 Вскочил-то конь на резвы́ ногú,

¹ С этого стиха пытался перейти на прозаический пересказ.

- Подскочил-то конь да ко Сокольнику,
Поздоровались они да не то с радости,
Поздоровались они всё как с грубости.
Говорит-то Сокольник таковó словó:
100 «Уж я съедуся со старым казакóм,
По добру-то с им да не розъедуси».
Не две туценьки тут да всё затуцились,
Не два ясных сокола вместо слетались,
- Два боһатыря вместо съеждялись.
- 105 Они съехались на сабли вострые,
Сабли у их да пощорбались,
Бросали тот бой да на сыру́ землю.
Съехались ёни да на востры́ копьё,
Востры́ копьё у их да поломались.
- 110 Съехались ёни да на палицы буялые,
Бросали тот бой да на сыру́ землю.
Скакали они да со добрых коней,
Со добрых коней на рукопашный бой.
Они бились-дрались да девять сутоцек,
- 115 Пробили они да до колёна грезь.
У старá казака права рука да промахнуласи,
Лева нога да подкатиласи,
Упал-то стар да на сыру́ землю.
Наскочил-то Сокольник да на белы́ груды́,
- 120 Разрывает он латы булатныя,
Вынимат он ножище-чингалищó,
Хочет стару-то ткнуть да во белы́ груды́.
Тут-то стар-то приросплакалси:
«Пресвета ты мать ты божья боһородиця,
- 125 Я стоял-то за веру крещоную,
Я за те же за церкви за божиин,
А дала ты поганому Издолишщу
Принадгалитцэ».
Не живая рыба встрёпескаласи,
- 130 Тут-то стар да возъерилса он.
Он стрехнул-то Сокольника выше нунь
Выше лесу стоячего,
Упал-то Сокольник на сыру́ землю,
Отряхну́ло ёго да ретиво сердце,
- 135 Наскочил-то стар да на Сокольника,
Розрывает он латы-то булатныя,

Вынимат он ножище-чингалищю,
Хочёт ткнуть Сокольника во белы́ груды́,
По локтю рука застояласи.

140 «Ах ты цей удалой доброй молодець?»
— «Ах ты, старой чорт, седата борода!
Был я у вас на грудях да не спрашивал».

223

— «Чей ты удалой добрый молодець?» Он сказал: «Я отца своего не знаю, Латыгóркин сын». Он ведь говорит: «Сын-то мой милой, чадо мое милое». Тут они мировую выпили и по домам розъехались. Сокольник приехал домой. Мать его дома на крыльце стретает. Он говорит: «Стар казак тебя называет б..., меня выб.....» Он мать-то шаркнул копьём, через себя свиснул. Да опять-то поехал к стар-от козаку к шатру. Стар-то козак спит. Он его ткнул старого козака сонного копьём. Ему попало в крест. Он пробудилса. Пробудилса, схватил Сокольника одну ногу в руки, на другу наступил, так его и розорвал.

*(Старому козаку смерть не была писана. Конец не ловко петь, нескладно.
Остаточки. Да и мне надоело петь.)*

21

[АЛЕША ПОПОВИЧ И СЕСТРА СБРОДОВИЧЕЙ]

Во стольнём-то городе-то Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Было пированьё почёстен пир.
Все на пиру веселёшеньки,
5 Все на чесном да приросхвастались.
Боһатой де хвастат золотой казной,
Сильней де хвастат в поле вы́слугой,
Умный-от хвастат отцём-матерью,
Глупенький хвастат молодой женой.
10 Сидят два брателка ничем не хвастают.
— «А што же вы ничем не хвастаете,
Разве півные ковши до вас не дохóдили?»
— «Есть-то у нас сестра́ любимая,
Никто её не знат не ведает».
15 Говорит-то Олёша таковó словó:
«Знаю я вашу сестру́ да на руки сыпáл».
— «Не пустым ли ворона похваляешься?»
— «А есть-то приметочка не малая:
Закатай-то комок снегу белоһо,
20 Брось-ко к ей во высок терем».
Пошли братья́ да бросили во высок терем.

Открывает она окошко колодное,
Выпускает она да белое полотно.

224

«Отколь ты, Олёшенька, катишься?

25 Толь ты с чиста поля

Толь ты с чесна пира?»

А тут поймался брат, затащи́лá брата.

(Тут, бат, и разорвали. Обесчестила их. Она была у них упрятана.)